

ЦЕМШ Н. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ЦЕМШ Н. С. — ВЕРХОВНОМУ ПРОКУРОРУ

ЦЕМШ Николай Сергеевич, родился в 1887 (отец, потомственный дворянин, служил прокурором, председателем окружного суда, с 1907 — товарищем обер-прокурора¹). Окончил гимназию в Вологде, в 1910 — историко-филологический факультет университета в Санкт-Петербурге, студентом подрабатывал преподаванием в гимназии; оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности, но вскоре оставил университет; преподавал латинский язык и историю в Окружной гимназии Петербурга-Петрограда, с 1917 — заместитель заведующего там. С 1919 — преподавал в Костромском государственном университете, занимался также научной работой. С осени 1920 — вернулся в Петроград, преподавал историю Западной Европы в Педагогическом институте им. Н. А. Некрасова, а также в Петроградском университете, с марта 1921 по 1927 — ассистент, затем преподаватель по кафедре западно-европейского феодализма в университете>; тогда же четыре семестра занимал должность профессора по кафедре истории общественных учений в Ленинградском Педагогическом институте изучения нормального и дефективного ребенка. С 1927 — библиотекарь, затем главный библиотекарь в Консультационно-Библиографическом отделе Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Принимал активное участие в работе Ленинградской Комиссии улучшения быта ученых, был членом Правления Академического кооператива, членом профкома и месткома. С 1929 — участвовал в редактировании энциклопедического словаря в государственном издательстве; с февраля 1934 — привлечен к изучению материалов по истории колониальной политики царизма на Кавказе в Историко-Археографическом Институте Академии Наук СССР. С осени 1934 — научный сотрудник Института истории феодализма при Государственной Академии истории материальной культуры, с весны 1935 — действительный член. Автор ряда научных работ. 27 февраля 1935 — арестован, 4 марта приговорен как «социально опасный элемент» к 3 годам ИТЛ и отправлен в Карлаг. 22 апреля лагерь заменен высылкой на 3 года, 4 июня отправлен в Оренбург, вместе с ним выслана и его бывшая жена.

В августе 1935 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<11 августа 1935>

«Уважаемая тов<ариц> Пешкова

Препровождая при сем два заявления, одно на имя Прокурора СССР, другое на имя Особого Сопещения при НКВД, и копию с первого (второе отличается от первого лишь некоторыми стилистическими сокращениями и разницей в обращении), очень прошу Вас не отказать передать их по назначению, и, если Вы сочтете возможным, способствовать удовлетворению заключенных в них просьб. Смею заверить Вас, что изложенное в них совершенно соответствует действительности, и ходатайство Ваше и руководимой Вами организации помощи политическим заключенным, если бы оно могло состояться, было бы за человека вполне преданного Советской стране и не могло бы поставить Вас в неудобное положение перед Правительством.

---

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

Н. Цемш.

Оренбург, Каравансарайская, 29.
Цемш Николай Сергеевич.

11 августа 1935»².

*К письму Николая Сергеевича Цемша было приложено его официальное заявление на имя Верховного прокурора СССР*³.

<11 августа 1935>

«Верховному Прокурору СССР.

От административно-ссылного из
Ленинграда Цемша Николая Сергеевича,
жительствающего в Оренбурге, по
Каравансарайской ул<ице>, д<ом> № 29

Гражданин Прокурор!

Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой по делу, обстоятельства которого представляются в следующем виде:

24-го февраля сего 1935 года я был арестован в Ленинграде представителями НКВД. В ту же ночь я был подвергнут единственному допросу, с моей точки зрения несколько беглому. 4-го марта уже состоялось постановление Особого Совещания при НКВД о заключении меня, как социально-опасный элемент, в исправительно-трудовой лагерь. 20-го марта я в этапном порядке был вывезен из Ленинграда и 4-го апреля доставлен для заключения в Карагандинский лагерь. Но уже 22-го апреля состоялось новое постановление Особого Совещания, в силу которого трехлетнее заключение в лагере было заменено для меня административной ссылкой на тот же срок в Оренбург. Постановление это было мне объявлено 1-го июня и 4-го июня я выбыл из лагеря. 9-го я прибыл в Оренбург, на место моей ссылки, где и нахожусь в настоящее время.

До сих пор, говорю это совершенно откровенно, я нахожусь в полном недоумении относительно мотивов, которые побудили органы НКВД признать меня социально-опасным и применить ко мне вышеуказанные строгие меры предупредительного характера. Ни при допросе, ни при объявлении обоих постановлений мне не были указаны ни какая-либо моя конкретная вина, ни причины, вызвавшие необходимость моей изоляции. Даже наоборот, — допрашивавший меня следователь неоднократно подчеркивал, что у него нет никаких обвинений лично против меня. Он говорил даже, что я немедленно буду освобожден, если назову находящихся в живых знакомых моего отца дворянского происхождения (не знаю, почему представитель следственной власти был твердо убежден, что в дни моей юности, т<о> е<сть> ок<оло> 1905 года, в России дворяне не могли водить знакомства с не дворянами). К сожалению, я не мог удовлетворить желания следователя, так как вообще очень мало знал знакомых отца, и кроме того, огромное большинство из них давно уже умерло (отцу моему было бы теперь под восемьдесят лет), но следователь расценил это как "мое нежелание пойти навстречу Советской власти".

Естественно, мне приходится поэтому только догадываться об этих мотивах. Всякая догадка, к сожалению, носит в себе возможность грубых ошибок. Рискую и я ошибиться. Тем не менее я все же решаюсь в

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 109. Автограф.

³ Исправлены некоторые ошибки согласно правилам современной орфографии.

дальнейшем остановиться на этих догадках и попробовать показать, что те моменты моего социального происхождения и прошлого, которые могли у органов НКВД вызвать мысль о необходимости сугубо осторожного и бдительного отношения ко мне, на самом деле не имеют такого значения и не определяют мое теперешнее лицо, лицо честного, преданного и любящего советскую страну ее гражданина.

1). Действительно, я дворянин, но дворянин того разночинного дворянства, которое в старой России совершенно механически выходило из простой государственной службы, не будучи связано ни с землевладением, ни с помещичьей властью, и очень мало признаваемое за равное себе старым родовым дворянством Российской империи. В нашем роду дворянское звание получил мой прадед, довольно известный врач, за успешную борьбу против холеры. Сам я лично ничем не был связан с дворянством и не подтвердил своего права на него путем записи в какое-нибудь дворянское общество. Ничем не был я связан и с имущественными кланами: я не был помещиком, никогда не имел денег в банках, ни ценностей в сейфах. Не пользовался я также никакими дворянскими привилегиями, ни во время учения (гимназия, университет), ни на службе (учитель латинского языка и истории в гимназии). Равным образом мне всегда была чужда какая-либо специфическая дворянская психология или идеология. Я рос как разночинец-интеллигент, и таким оставался во все время существования старого режима.

2). Отец мой служил по Министерству юстиции, был прокурором и председателем Окружного суда. Но он никогда не принадлежал к тем представителям судебной магистратуры, сухим и черствым, которых было так много в судебных учреждениях царской России. Это был живой, горячо откликавшийся на все явления общественной жизни человек, глубоко либеральной настроенности. Вероятно, это может быть доказано документально. Совершенно понятно, что здесь в Оренбурге сделать это мне невозможно. На память приведу несколько фактов. В бытность его прокурором Окружного суда в Киеве (1898-1903) в заграничной газете "Освобождение" была помещена из Киева корреспонденция, в которой сообщалось о значительном облегчении режима политзаключенных в киевской тюрьме благодаря вмешательству моего отца. В Вологде, где он был председателем Окружного суда (1903-1907), он принимал активное участие в либеральном движении города. Упоминание об этом имеется в книге "1905 год в Вологде", изд<дательства> Истпарта⁴. Следствием этого был целый ряд доносов на него со стороны жандармов в Министерство и, наконец, снятие его с должности новым министром Щегловитовым⁵. Назначенный товарищем обер-прокурора во 2-й департамент Сената, он вел там борьбу против столыпинской крестьянской реформы и в конце концов принужден был выйти в отставку, после чего занялся в Киеве адвокатской деятельностью. Мать моя, дочь московского присяжного поверенного А. Лютера, была даже не дворянкой. Благодаря всему этому обстановка, в которой я вырос, и в которой были заложены первые основы моего характера и мировоззрения, если и не была революционной, то во всяком случае по настоящему демократической и либеральной.

3). Из довольно большого количества моих братьев и сестер в живых находится только один брат, если он вообще еще жив. Он, действительно, находится за границей (другой из моих братьев погиб в рядах Красной Армии во время польской войны). С ним я не только никогда не имел и не имею никаких сношений, но даже не знаю точно, где он находится, и

---

⁴ Истпарт — Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б).

⁵ Щегловитов Иван Григорьевич, товарищ обер-прокурора, с 1906 по 1915 — министр юстиции Российской империи, последний председатель Госсовета Российской империи.

вообще, жив ли он еще теперь. Что я с достаточной уверенностью могу утверждать, это то, что попал он за границу несомненно случайно и врагом Советской власти ни в коем случае не является. Когда я в последний раз его видел осенью 1918 года, на другой день после возвращения из германского плена, он был горячим сторонником Брестского мира и мечтал только о том, чтобы поскорее отдаться своему любимому делу, преподаванию математики.

4). Остается последний пункт, наиболее важный пункт, — о мне самом. Насколько помнится, он меньше всего привлек к себе внимания, как при самом допросе, так и в имевшем место в результате последнем документе. Я не стану излагать здесь своей биографии, она в достаточной степени приведена в прилагаемом к настоящему заявлению моем жизнеописании. Остановлюсь только не некоторых ее моментах.

В 1910 г<оду> по окончании историко-филологического факультета С<анкт>-Петербургского Университета я был оставлен при Университете для подготовки к профессорской деятельности. Передо мной открывалась сильно манящая меня научная карьера. Однако, я довольно скоро решил отказаться от нее. С одной стороны, здесь действовало и то, что я любил и увлекся работой в средней школе, за преподавание в которой мне пришлось взяться по чисто материальным соображениям. Но, главным образом, мой отказ был обусловлен общественными мотивами. Это была мрачная эпоха послереволюционной реакции. В ведомстве "народного просвещения" царила дикая кассовщина. Идти в Университет означало отказ от свободы научного мнения и необходимость стать рупором подтасованной официальной науки. Как ни тяжело мне было порвать с моими надеждами на научную деятельность, я все же решился на это и остался в средней школе, где, как это ни странно, гнет этот чувствовался слабее. И вероятно, что сохранился старый режим, меня навсегда бы ожидала участь школьного учителя. Новую струю в мою жизнь внесла революция. Огромная тяга к высшему образованию, проявившаяся вместе с Октябрьской революцией, вызвала строительство ряда новых Университетов и других высших учебных заведений. В одном из таковых — в Костромском Государственном Университете, — я и возобновил свою научную и научно-педагогическую деятельность. В Костроме я пробыл 1½ года. Осенью 1920 г<ода> я вернулся в Ленинград, сдал здесь магистерские экзамены и начал преподавательскую работу в Педагогическом Институте им<ени> Некрасова и в тогда еще Петербургском Университете. С этого времени вся моя жизнь стала тесно связана с советской наукой. Я упорно и много работал, чтобы встать в уровень с теми требованиями, которые советская власть предъявляет научным работникам. Нужно было пополнить значительные пробелы, общетеоретические и специальные, наличие которых я остро ощущал. Как раз последний год, — год перед моим арестом, — был наиболее богатым и плодотворным годом моей научной деятельности, как это видно из моего жизнеописания, и в смысле научно-служебном, и в смысле научной продукции.

Я историк, по профессии, специалист по истории западно-европейского феодализма. Я не являюсь, конечно, каким-нибудь выдающимся ученым. Нет, я тот средний научный работник с достаточными знаниями, способностями и преданностью делу, без которых невозможна нигде в мире правильно организованная наука. Людей моей специальности в СССР не так много, и нужда в них несомненно чувствуется, в особенности с тем значением, которое все больше получает история в системе общего образования. В моем активе имеется ряд напечатанных и не напечатанных работ. Моя научно-служебная деятельность, которой я отдал все силы своего ума, всегда была тесно

связана и руководилась интересами культурного строительства нашей социалистической страны. Я смею думать, что в свою жизнь я сумел принести свою пользу.

Я не родился большевиком, и не стал им при старом режиме, как многие другие. Я не делил с ними ни ссылки, ни тюрем, ни каторги. Я, должен сознаться, вообще, мало знал что-нибудь определенное об этом. Я был просто интеллигентом и было бы с моей стороны просто нечестно отрицать, что и по сей час многое от старого русского интеллигента довлеет в моих привычках, взглядах и настроениях. Моя большевистская культура началась только с октября. Немного поколебавшись, или, правильнее сказать, недоумевая, я решительно перешел на сторону Советской власти. И это, кажется, до сих пор не возбуждало сомнений, я никогда не был под судом, ни разу не привлекался к ответственности, ни разу не был арестован органами ЧеКа или ОГПУ. Конечно, сперва многое мне было непонятно, неясно, иногда казалось прямо неправильным. Но с каждым годом я все ближе сливался с новой жизнью, все привычнее и естественнее чувствовал себя в ней. Отчасти здесь действовало то обаяние великих успехов социалистической стройки, которое стихийно привело огромную часть старой русской интеллигенции, все, что в ней было живого, честного и искренно преданного интересам народа, к советской власти. Но гораздо больше здесь было сознательной работы над собой. Упорное изучение произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, раскрывавшее передо мной всю живительную силу марксистско-ленинского мировоззрения, постоянное наблюдение и изучение окружающей меня жизни и социалистического строительства, наконец, собственное активное, в меру моих сил и способностей, участие в ней оказали решающее влияние на выработку из меня настоящего советского гражданина, каким я являюсь сейчас. Я рано понял, что в Советской стране, нельзя замкнуться в свою частную, будь то даже служебную работу, что нельзя быть советским членом вне общественной деятельности. Ее я начал еще в первой половине двадцатых годов сперва работой в ЖАКТе, далее я принимал близкое участие в жизни Ленинградской Комиссии Улучшения Быта Ученых в качестве члена Совета Уполномоченных и члена правления Академического кооператива, — снабженческого органа Комиссии, в котором я вел всю основную работу, я состоял членом редакции стенгазеты (Леногиз⁶), был членом профбюро (Леногиз, Публичная Библиотека) и, наконец, членом месткома (Публичная Библиотека). Я всегда с рвением и горячо отдавался своей общественной деятельности, ценя ее не меньше, чем свою научную и служебную работу. Скорее я могу упрекнуть себя в том, что иной раз она несколько вытесняла на второй план последнюю. И совершенно прямо и честно я могу сказать теперь, что, сколько бы ни оставалось еще во мне от старого интеллигента, то основное, что определяет меня сейчас как человека, научного деятеля и общественного работника, плоть от плоти, кровь от крови советской жизни.

Мне трудно представить себя иначе как "беспартийным большевиком". Я не только хорошо знаю, чувствую и разделяю эту новую жизнь, больше того — я люблю ее. Уже давно ее гордость стала моей гордостью, ее радость моей радостью и горе моим горем, но окончательно, совершенно ясно я понял ее в ту трагическую октябрьскую ночь, когда вдруг узнал, что осиротел наш Ленинград и вместе с ним и весь наш Союз...

Я ни на что не жалею. Я прекрасно знаю, что в трудных условиях, в которых находится наш Союз, создавший первое и пока единственное пролетарское государство в самом центре враждебного

---

⁶ Леногиз — Ленинградское отделение государственного издательства РСФСР (до 1930).

капиталистического окружения, нужна великая и повседневная бдительность. Я хорошо понимаю, что не могут быть излишними никакие меры, которые принимаются к его охране и безопасности. Но все же меры принимаются людьми, а люди всегда могут ошибиться. И я не могу отказаться от мысли, что в моем частном случае и произошла именно такая ошибка, что Особое Совещание могло применить свою меру ко мне только потому, что оно не знало меня, не успело узнать моей жизни, моего мировоззрения и настроенности, моей преданности и любви к Советской стране и ее делу. Не знало, как глубоко мое преклонение перед героической Коммунистической партией и ее великими вождями Лениным и Сталиным.

Сейчас я нахожусь в Оренбурге. Конечно, всюду можно быть полезным своей стране, но в полной мере далеко не так. Мне уже под пятьдесят лет, и мне уже поздно и трудно переквалифицироваться. Арест и ссылка оторвали меня от старой моей деятельности, от научного творчества. Здесь в Оренбурге я не могу найти достаточного приложения моим силам и знаниям. Вся моя прошлая научная работа в силу ее характера и специальности настолько тесно связана со столичными научными учреждениями, с книгохранилищами и т^{ому} <одобное>, что только в непосредственной близости с ними можно ее плодотворно продолжать. Не продолжать ее — это значит выбросить вон все те знания и весь тот опыт, которые накоплены благодаря Советской власти, и ей же принадлежат.

Гражданин прокурор! В моем теперешнем положении искренность есть существенное мое оружие. Выше я совершенно искренне и правдиво изложил все то, что, по моему мнению, может рассеять предубеждение, создавшееся против меня. И я глубоко убежден, что как раз то, что я чувствую себя совершенно советским человеком, человеком советской жизни и советской идеологии, не только дает мне право, но и накладывает обязательство содействовать разрушению этого предубеждения.

Поэтому я и прошу Вас затребовать мое дело и ознакомиться с ним. Я убежден, что Вы поймете, что здесь произошла ошибка, что нет оснований к дальнейшему сохранению моей изоляции, и примите меры к восстановлению меня во всех политических и общественных правах. Отменив мою ссылку, Вы вернете меня к прежней жизни и дадите мне возможность по-старому отдавать все силы на службу нашей великой страны, только еще больше увеличив мою любовь и благодарность ей. Вы вернете мне честное имя непоколебимого и верного сына нашего славного Союза. И Вы не ошибетесь, гражданин Прокурор!

Н. Цемш.

Оренбург.
11 августа 1935»⁷.

К этому официальному заявлению Николая Сергеевича Цемша было приложено также написанная им лично "Краткое жизнеописание".

«Краткое жизнеописание
Цемша Николая Сергеевича

Я родился в 1887 г^{оду} 15/28 апреля. По окончании Вологодской гимназии я поступил в С^{анкт}-Петербургский Университет на Историко-Филологический Факультет. По сдаче в 1910 г^{оду} государственных экзаменов я был оставлен при Университете для подготовки к научной деятельности. Одновременно я стал преподавать в Окружной (позднее 13-й) Петербургской гимназии. В 1917 г^{оду} я был избран

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 110-112. Автограф.

Советом гимназии на должность заместителя заведующего (директора). В 1919 г<оду> я перешел на работу в Костромской Государственный Университет, где вел курсы по истории Западной Европы. Осенью 1920 г<ода> я вернулся в Ленинград, где занял должность преподавателя истории Западной Европы в Педагогическом Институте им<ени> Некрасова, в котором проработал до превращения его в техникум, в 1920 г<оду>. В зиму 1920-1921 г<ода> мною был сдан при Университете экзамен на право защиты магистерской диссертации. С марта 1921 г<ода> я получил должность ассистента по кафедре западно-европейского феодализма в Ленинградском Университете, с которой затем я перешел на должность преподавателя по той же кафедре. Работа моя в Университете продолжалась до 1928 г<ода>. В эти же годы я четыре семестра занимал должность профессора по кафедре истории общественных учений в Ленинградском Педагогическом институте изучения нормального и дефективного ребенка. В 1927 г<оду> я поступил в Государственную Публичную Библиотеку им<ени> Салтыкова-Щедрина, где в последнее время я работал в должности главного библиотекаря в Консультационно-Библиографическом отделе. В 1929 г<оду> я был приглашен в Государственное Издательство в Ленинграде для редактирования отдела всеобщей истории в издаваемом им энциклопедическом словаре (вышел 1-й том под названием "Советский энциклопедический словарь"). В феврале 1934 г<ода> я был привлечен к работе в Историко-Археографическом Институте Академии Наук СССР, где мне было поручено изучение материалов Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива по истории колониальной политики царизма на Кавказе. С осени 1934 г<ода> я был приглашен в Академию Истории Материальной Культуры в Ленинграде в качестве сотрудника в предпринятом ею издании коллективного курса по Западно-Европейскому феодализму. Тогда же мне было поручено там же руководство аспирантами по изучению средневековой латыни. В 1935 г<оду> перед самым моим арестом я был назначен действительным членом Института истории феодализма указанной Академии.

Моя научная и научно-популизаторская деятельность выразилась в следующих напечатанных и находящихся в рукописях работах:

1). Ряд статей в первых томах 2-го издания энциклопедического словаря Эфрона (г<оды> 1910 -1912)

2). Несколько десятков рецензий в журнале "Книга и революция" (1920-1924 г<оды>).

3). Статья "Аграрная проблема раннего средневековья" в № 1 ж<урнала> "Анналы" (1924 <год>)

4). Рецензия на сборник статей французского историка Halpien в № 2 того же журнала.

5). Статья: "Проблемы происхождения французского города в научной литературе", в сб<орнике> "Россия и Запад" (1925 <год>).

6). Комментарии к "Запискам П.А. Каратыгина" изд<ательства> "Академия наук" (1930 <год>).

7). Редактирование Отдела Всеобщей Истории в I т<оме> "Советского Энциклопедического словаря" и ряд статей в нем (1932 <год>).

8). Рецензия на книгу St. Jnglot об средневековом крестьянстве в Эльзасе — помещена в № 1 ж<урнала> "Исторический сборник", изд<ательства> "Академия Наук" (1934 <год>).

9). Статья "По немецким историческим журналам", в № 3 того же журнала (1934 <год>).

В рукописях:

10). Обзор состояния архива "Кавказского Комитета" за период 1833-

1840, — работа служебного порядка, находится в Историко-Археологическом Институте Академии Наук (1935 <год>).

11). "Агротехника в эпоху Каролингов", находится в Институте истории, науки и техники Академии Наук (1935 <год>).

12). "Каролингское государство и общество", находится в Академии истории материальной культуры (1935 <год>).

Моя общественная деятельность достаточно отражена в самом заявлении.

Н. Цемш.

Оренбург.

11 августа 1935 <года>»⁸.

Осенью 1935 — Николай Сергеевич Цемш вновь просил помощи Помполита⁹. В 1936 — скончался в Оренбурге¹⁰.

---

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 113-114. Автограф.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1447. С. 264, 451.

¹⁰ Цемш Николай Сергеевич... mion.sgu.ru/book/files/andreeva_solomonov/chernov...